ТАЙНЫ КРИСВИЧА

3. ЗЕМЛЯНЕ

Юлиана Косе

12+

Юлиана Косе

Тайны Крисвича 3. Земляне

«Автор»
2025

Косе Ю.

Тайны Крисвича 3. Земляне / Ю. Косе — «Автор», 2025

Дорогой читатель! В этом мире, полном загадок и случайных встреч, мы часто ищем не просто приключения, а глубокое понимание себя — кто мы, откуда и куда идём. История о путешествии двух подруг становится не только путём к самопознанию, но и трогательной хроникой дружбы, взросления и силы семьи. «Земляне» — третья часть захватывающего цикла «Тайны Крисвича», приглашающая в фантастическое путешествие по загадочным берегам Крыма и Ялты. Здесь, на вершине горы Кошка, древняя обсерватория хранит тайны Вселенной и истории, переплетённые с судьбами двух подруг — Виктории и Кристины. Их дружба и смелость открывают двери в мир мистики, науки и приключений, где легенды оживают, а звёзды становятся проводниками к новым открытиям. Погрузитесь в атмосферу крымских красот, легенд, древних артефактов и загадок, которые меняют не только судьбы героинь, но и всю ткань реальности.

© Косе Ю., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Введение 5
Глава 1. Красота и сила 6
Глава 2. Петля времени 18
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Юлиана Косе
Тайны Крисвича 3. Земляне

Введение

Лето в Крыму – это не просто время и место отдыха, а особая магия: воздух пропитан ароматом можжевельника, а бездонное небо манит своими тайнами. Виктория и Кристина, две неразлучные подруги из тихого городка на берегах Старой Волги, продолжают своё удивительное путешествие, готовое перевернуть их представления о мире. Посещая Херсонес Таврический, они понимали, что это символ связи между прошлым и будущим, который вдохновляет на изучение и осмысление истории. Символ того, как древность и современность могут вести диалог сквозь века, если мы научимся слушать голоса, зашифрованные в камне.

Их путь из Херсонеса ведёт в загадочный Симеиз – место, где горы словно шепчут древние легенды, а ветер хранит секреты веков.

На вершине одной из скал возвышается филиал Крымской обсерватории – хранилище знаний с богатой историей и современным оборудованием: лазерным дальномером и радиотелескопом. Здесь можно прикоснуться к тайнам астрономии и Вселенной, где звёзды открывают свои секреты лишь тем, кто умеет слушать.

Старинная карта, исписанная загадочными символами, обещает привести девочек к невероятным открытиям. Но настоящая тайна скрыта глубже – под водами Чёрного моря спрятан подводный портал, ведущий в легендарный Хрустальный дворец. Говорят, что тот, кто осмелится войти в него, увидит не только прошлое и будущее, но и заглянет в самые сокровенные уголки своей души.

С каждым шагом Виктория и Кристина всё глубже погружались в мир, где наука переплеталась с мистикой, а реальность плавно вливалась в фантастическое русло, словно могучая река их родины – Волга, несущая свои воды через века и пространства, соединяя прошлое с будущим в непрерывном потоке открытий и тайн. Их ждут загадочные встречи, древние тайны и испытания, которые проверят не только их смелость, но и силу дружбы.

Почему гора носит имя «Кошка»? Её изящный силуэт, словно грациозное животное, покоящееся на скале, вдохновил множество легенд и окутал место мистической тайной. Что хранит в себе крымская земля? Она бережно хранит древние загадки, переплетая историю и магию, маня тех, кто готов раскрыть её секреты. Какие тайны хранят звёзды над Симеизом? И смогут ли девочки разгадать загадки, оставленные предками?

Глава 1. Красота и сила

– Знаешь, Кристина, – начал отец, глядя из расположенного рядом отеля на бескрайние просторы Херсонеса, где тёплые, нагретые солнцем камни излучали вековое тепло, а тишина нарушалась лишь шелестом сухой травы, пением ветра и щебетом птиц, – иногда мне кажется, что исторические места – это не твоё. Или тогда отчего сегодня ты такая молчаливая?

Он повернулся к дочери, заметив, что та погрузилась в свои мысли.

– Может, вчерашняя экскурсия не понравилась, экскурсовод плохо рассказывал или язычок прикусила? – Что же ты вдруг стала такой немногословной в эти дни? – спросил он с теплотой и лёгкой улыбкой у дочери. – Посмотри вокруг! Какое великолепие,эти места как живое дыхание, которое пронизывает всех нас. Чувствуешь ли ты, как ветер, шепчущий свои тайны среди древних руин, проносит с собой шёпот тысяч голосов – стук молотков каменотёсов, гул толпы на агоре, пение гимнов в базиликах – и это тебя не задело?

С утра Сергей Иванович был слишком поэтично настроен, видно, вчерашняя экскурсия его вдохновила на это, тем более вместо того, чтобы ночью отправиться в путь, эта маленькая компания из двух отцов со своими дочерьми-подростками решила продлить отдых. Они планировали выехать вчера, но обстоятельства сложились иначе: профессору пришлось отложить все свои дела, а Сергею Ивановичу было удобнее растянуть отдых и заехать на свадьбу к родственникам в далеком саратовском местечке. К тому же его насторожило поведение дочери: она была молчалива и, похоже, расстроена тем, что они собирались уехать, заскочив по пути на Кубань. Возможно, её огорчало и то, что они планировали отменить короткий визит в Ставрополь к ее бывшей однокласснице Яне, с которой девочкине виделись целую вечность, как они сами говорили.

Поняв, что спешить уже не стоит, он отлично выспался. Быть в длительных поездках за рулём в самый разгар лета, в жарком регионе – не самое приятное дело, особенно когда ты, управляя источником повышенной опасности – как он часто хитро улыбаясь называет своё авто, – отвечаешь не только за себя и дочь, а ещё и за товарища с дочерью, которых пригласили с собой в это длительное путешествие.

В общем, если всем видом Кристина показывала, что что-то с ней «не то», то её отец уже с утра был в отличном настроении, и многословное амплуа лирического писателя ему сегодня было к лицу. Он продолжил, рассматривая дочь, вдруг на её лице физически отразились причины её непривычного молчания:

– Мы проходим мимо этих камней, которые хранят в себе целую вселенную, а ты – всегда задающая миллион вопросов и имеющая неумолкающий девичий щебет – сегодня будто онемела.

Кристина, словно очнувшись, посмотрела на отца.

– Нет, что ты, папа, – произнесла она, и в её голосе звучала искренность. – Просто всё было так необычно и захватывающе… Честно говоря, я хотела и поговорить, и расспросить, и узнать гораздо больше, но…

Отец, недоумённо приподняв брови, продолжал расспрашивать:

– Не пугай меня, ты не заболела ли? Или в чём же дело?

– Ой, папа, не знаю, что со мной случилось, – призналась Кристина, опуская глаза. – Этот гид словно заколдовал меня. Я всё время хотела задать ему сотню вопросов, но он периодически посматривал на меня своими зоркими тёмными глазами. Мне казалось, будто он стреляет ими прямо в меня.

Виктория, сидевшая рядом, не смогла удержаться от иронии:

– Да ладно, ну скажи прямо – влюбилась, а то сразу «заколдовал, заколдовал»! Посмотри на него: роскошный парень, простокрасавчик, весь в мехах и золоте, как султан из твоего любимого фильма. Вон его и сегодня даже отсюда видно.

– Ну да, – улыбнулась Кристина, – это же отель входит в состав этого грандиозного комплекса, а он тут работает султаном.

Она покачала головой, но улыбка всё же пробилась сквозь её смущение.

– Ой, может, и влюбилась бы, – тихо ответила она, – но не вчера и не сегодня. У меня язык будто заледенел, или… Знаешь, папа, когда-то он чинил кресло, брал гвозди, всовывал в специальный пистолет и стрелял гвоздями из него. Я тогда так хотела посмотреть, как он из него стреляет, но, увидев это, так боялась, что не могла пошевелиться и теряла дар речи от страха. Вот и сейчас казалось, что этот красавчик вот-вот достанет пистолет и прибьёт мне язык гвоздями, если я спрошу что-то лишнее. А ведь даже когда экскурсия на руинах подошла к концу, у воды я чуть оттаяла от страха, когда волны нежно касались берега, и то на время… Давно не испытывала такого чувства, а потом и ночью не могла уснуть. Только сейчас отлегло, как увидела со стороны, как всё это происходит, и поняла, что он просто актёр.

Сергей Иванович обнял дочь, но Андрей Петрович, услышав её слова, задумчиво посмотрел на руины.

– Иногда, Крис, – тихо сказал он, – древние камни действительно хранят не только мудрость, но и тень тяжёлых событий, которые могут откладываться на подсознание. Здесь были и осады, и предательства, и казни… Может, твоя интуиция уловила эту глубину, эту неслышную тяжесть веков? Не все истории здесь радужные. Твой гид, возможно, просто несёт в себе эту серьёзность места.

Виктория, улыбнувшись, добавила:

– Ну и как ты напридумываешь себе проблем!

– О, да! – поддержал Сергей Иванович, приобняв дочь за плечи. – Как любит говорить одна известная нам дама: «Создаёт себе проблемы, чтобы потом их самой героически преодолевать!»

– Так ты хоть слышала, – продолжила Виктория, – столько интересного было! О базилике, архитектуре, мозаиках, быте и религии, а ещё вот о польском после́нике, который в XVI веке впервые подробно описал руины Херсонеса и привлёк внимание всей Европы. Я все фиксировала.Представь, в конце XVI века этот польский аристократ и путешественник, Ян Потоцкий, рискуя жизнью в незнакомом краю, под турецким контролём, первым из европейцев не просто увидел руины, а тщательно зарисовал их, описал в своих письмах. Он узнал в них город Херсонес, упомянутый у древних авторов! Именно его труды пробудили интерес всей Европы к этим заброшенным камням, положив начало их научному изучению. Без его любопытства и смелости мы, возможно, так и не узнали бы всего этого.

– Представь, – ответила Кристина, собирая волосы в хвостик, – я слышала и чувствовала всё, прикоснулась к рассказу не просто как к истории, а к живому временному порталу, готовому раскрыть свои самые сокровенные тайны. И боялась, что вообще больше не смогу говорить…

– Знаете, я долго размышлял, стоит ли мне сразу исправлять экскурсовода, когда он приписал первые важные работы и упоминания о Херсонесе Яну Полоцку. Конечно, его заслуги неоспоримы, и он действительно внес значительный вклад в изучение этого региона. Но, как историк, я не могу не отметить, что Броневский, польский дипломат и секретарь короля Стефана Батория, создал первую в Европе энциклопедию о Крымском ханстве.

Эта работа была основана на его личных наблюдениях, документах и опросах очевидцев. Он тщательно собирал информацию, погружаясь в атмосферу того времени, и его труд стал настоящим вкладом в историческую науку. Я понимаю, что экскурсовод, возможно, хотел сде-

лать рассказ более увлекательным и запоминающимся для туристов, но игнорировать такие важные факты – значит упускать из виду настоящую историю.

Я решил не вмешиваться в его рассказ, чтобы не портить атмосферу экскурсии. Люди пришли сюда, чтобы насладиться красотой места и узнать что-то новое, а не слышать о спорах между историками. Но в глубине души я надеялся, что у нас будет возможность обсудить эти нюансы позже. Ведь каждый из нас, должен стремиться к правде, даже если она иногда оказывается сложной и запутанной.

– Отлично! А мне как раз ещё хотелось спросить: экскурсия-то завершена, а как же эти грандиозные новостройки? Нам что, их не покажут?

– Да, папа, пожалуйста! – подхватила Виктория, заметив, что отец не предлагает самим посетить этот готовящийся к открытию объект.

И вот на фоне величественных зданий, где вековые, потемневшие от времени стены, покрытые лишайником, как шрамами истории, контрастировали со сияющими стеклом и металлом современными павильонами нового археологического парка, профессор истории Андрей Петрович стоял, погружённый в раздумья. Его дочь Виктория и её подруга Кристина с удивлёнными и эмоциональными взглядами вместе с отцом Кристины, Сергеем Ивановичем, разглядывали грандиозный исторический проект Нового Херсонеса Таврического, который ошеломил масштабами. Казалось, само время здесь сгустилось, став осязаемым – грубая древность и хрупкая современность смотрели друг на друга через пропасть веков.

– Папа, как же здесь красиво! – воскликнула Кристина, обводя взглядом современные инсталляции и фотографии восстановленных руин. – Говорят, здесь шикарные возможности погрузиться в историческое прошлое – не только музеи с находками и музей-храм православия, но и новый археологический парк с интерактивными зонами, где с помощью дополненной реальности можно увидеть базилики в их первоначальном великолепии, а на месте древнего порта – шумные торговые пристани. А ещё говорят, что восстанавливают античный театр, чтобы он снова зазвучал!

Андрей Петрович, улыбнувшись, ответил:

– Да, Кристина, Херсонес Таврический – это не просто уникальные сооружения, это связь с прошлым, исторический портал, который открылся для всех. Мы находимся в сердце исторического открытия, и я надеюсь, что это вдохновит новое поколение.

Виктория, сдержанно, но с интересом, спросила:

– Папа, а как ты думаешь, почему так важно сохранять эти памятники?

Андрей Петрович глубоко вздохнул и начал:

– Сохранение исторического наследия – это не просто вопрос материальных ценностей. Это философский выбор. Мы, как человечество, должны помнить, откуда пришли. Херсонес – это не просто архитектурные памятники, это отражение нашей культуры и духа. Каждый артефакт – это голос предков, который мы должны услышать. Например, здесь сохранились великолепные образцы византийской архитектуры, такие как базилики и термы, которые не только служили общественным нуждам, но и были свидетельством высокоразвитой социальной структуры.

Кристина, не удержавшись, добавила:

– Но ведь это так скучно! Почему нельзя просто наслаждаться красотой?

Андрей Петрович улыбнулся, понимая, что Кристина видит мир по-своему.

– Красота здесь неотделима от истории. Представь себе, Кристина, – продолжил он, – в базилике «1935 года» под ногами у вас лежали бы не просто камни, а целые картины из тысяч кусочков смальты – от нежно-голубых до глубоких пурпурных. Там изображены христианские символы: рыбы, голуби, виноградные лозы, а может, даже фигуры святых с сияющими нимбами. Мозаики, которые мы можем увидеть в базиликах, – это не просто украшения. Они рас-

сказывают о религиозных верованиях и культурных традициях того времени. Каждая мозаика – это история, застывшая в камне, которая передаёт дух эпохи.

Сергей Иванович, сдерживая улыбку, вмешался:

– Да, но иногда нужно просто расслабиться и насладиться моментом, не так ли?

Андрей Петрович продолжил:

– Важно понимать, что быт древних жителей Херсонеса был переплетён с их религиозными убеждениями. Например, склепы с росписями, которые мы можем видеть, являются прямым свидетельством синкретизма культур. Здесь смешались эллинистические и скифские мотивы – мифологические сцены, портреты умерших в богатых одеждах, узоры, говорящие о сложном переплетении мировоззрений, что отражает многообразие и сложность культурных взаимодействий.

Вдруг Виктория заметила мраморную плиту с текстом присяги граждан Херсонеса.

– Папа, а что это?

– Это уникальный артефакт, – объяснил Андрей Петрович, проводя пальцем по древним буквам. – Клятва гражданина. Представьте, девочки, тысячи лет назад молодой херсонесец, ровесник вчерашнего экскурсовода, стоя здесь и прикасаясь к этому камню, клялся защищать свой город, соблюдать законы, не предавать товарищей. Чувствуешь, как камень хранит не только слова, но и дрожь голоса того юноши, его решимость? Вот это и есть тот самый «живой портал», о котором ты говорила. Это не просто текст – это крик из прошлого, требующий быть услышанным. Она говорит о том, что значит быть частью общества, о долге и ответственности. Важно помнить, что каждая эпоха имеет свои ценности, которые мы можем перенять. Эта клятва – ключ к пониманию греческого полиса и его демократических основ.

Кристина, с искренним интересом, спросила:

– А можно ли сказать, что мы тоже даём клятву, когда изучаем историю?

Андрей Петрович кивнул, восхищённый её вопросом:

– Именно так, Кристина. Если мы выбираем себе связанную с ней профессию, то мыклянемся помнить, учиться и передавать знания. Это наша ответственность перед будущими поколениями.

В процессе экскурсии они стали свидетелями не только величия современного Херсонеса, но и новых возможностей, которые открываются перед ними. Да и Таврический Херсонес – это не просто руины, а целый город с кварталами, термами и водопроводом, который впечатляет даже современных туристов.

Андрей Петрович добавил:

– Херсонес – это музей, который охватывает тысячелетия, от эллинизма до Средневековья. Многие артефакты сейчас находятся в Эрмитаже, но основное экспозиционное пространство – на месте раскопок. Здесь можно пройти по древним улицам физически и виртуально, благодаря исталляциям, ощутить масштаб водопровода, увидеть руины виноделен. Это важно учитывать при планировании визита.

Каждый шаг по земле Херсонеса отзывался в их сердцах и умах, вызывая глубокие размышления о значении истории в их жизни.

Вдруг Кристина похолодела, и её пальцы задрожали, а колени стали подгибаться от страха, который она испытала накануне. Холодный ветер, словно призрак, носил над территорией Херсонеса запах моря и древней пыли. Она вспомнила, как этой ночью съёжилась на камне у подножия полуразрушенной базилики, обнимая колени, и её затрясло от ужаса. В голове всё время крутилось одно слово, как будто оно было ключом к тем тайнам, которые её преследовали, когда остальные спали в отеле, но сон не приходил к ней с тех пор, как она увидела их – тех, о которых боялась сказать вечером.

С тех пор ужас не покидал Кристину. Не страх темноты или крыс, а страх быть замеченной. Гид казался вестником зла, его взгляд заставлял её вздрагивать. Она боялась, что он знает

о её видениях, что он – часть древнего сознания Херсонеса, следящего за ней. Она пряталась за спинами друзей, молчала, когда все восхищались красотой древних стен.Всё началось вчерашним днём. Экскурсовод, красивый мужчина с пронзительными глазами, остановился у древней плиты с загадочной надписью. Он говорил о клятве граждан, но Кристина вдруг замерла. Сделав шаг назад, чтобы лучше разглядеть письмена, она наступила на что-то острое. Внезапный укол через подошву кед заставил её вздрогнуть. Наклонившись, она увидела в пыли крошечный тёмный осколок с едва различимым узором. Машинально смахнула его, не придавая значения – но что-то внутри уже тревожно затрепетало. Рядом с гидом словно из воздуха возникли две фигуры. Мужчина в потрёпанном камзоле XVI века с тревогой в глазах и Старец с седыми волосами и странным амулетом в виде цветка-солнца на шее. Кристина застыла, сердце застучало быстрее. Старец шептал гиду, указывая на сверкающие вдалеке новостройки «Нового Херсонеса». Сначала казалось, что это актёры, но никто их не видит. Вокруг – равнодушные туристы, щёлкающие камерами, и даже отец Кристины прошёл сквозь призрака, не замечая его. Никто не видел их. Никто, кроме неё. Взгляд Старца встретился с её глазами – в них не было злобы, только глубочайшее отчаяние. Он протянул руку – Кристина почувствовала, как холодный поток энергии коснулся её кисти. Это был не просто призрак, а хранитель тайны. Его шёпот прошёл прямо в голове, словно шелест листьев: «Нам тоже надо… Иначе Они разорвут нить. Камни помнят молитвы и кровь. Новые – слепы. Они строят дома на костях предков…» Его образ дрогнул, глаза устремились на сверкающие купола нового храмово-музейного комплекса. «Расковыряли, повредили "Ка". Дух места не терпит торговцев… Люди в пиджаках врут… Тело – Божий футляр. Берегись меченых… Там, где стоял алтарь Крещения, ставят зеркала и стеклянные стены. Дух уходит… И я… я не смогу его удержать. Помоги…» Кристина вскочила, готовая закричать, но слова застряли в горле. Холодный, липкий страх сковал её – что скажут, если она расскажет о призраке польского дипломата? Сомнения и ужас боролись с решимостью. Призрак растворился в мерцающем мареве, оставив после себя лишь ледяную пустоту и шёпот: «Помоги мне – дам ключи, ночью…» Экскурсовод заметил её взгляд и, словно читая мысли, поцеловал её руку – печать раскрытия. Но как отозвать этот знак? Она была с отцом и Викторией, и гид стрелял в неё глазами – пытался закрыть третий глаз, злился, что не предвидел. Он привык видеть мир лишь своим взглядом.

А когда ночь окутала номер отеля густой тьмой, Виктория беззаботно храпела на соседней кровати. Её очки и блокнот лежали на тумбочке, словно молчаливые свидетели того, что произошло днем. Кристина же ворочалась, не в силах уснуть. Её тянуло взглянуть на блокнот Виктории – возможно, там было что-то необычное, что-то, что могла бы заметить только она. Может быть, Вика видела нечто важное, но решила промолчать?

Однако Кристина не решалась взять блокнот. Интуиция подсказывала ей, что Виктория не в курсе происходящего. Страх, холодный и липкий, сковывал её, заставляя сердце колотиться в груди. Она чувствовала, как тьма сжимает её, и в этот момент понимала: иногда лучше оставаться в неведении, чем сталкиваться с ужасом лицом к лицу.

Не темнота пугала её – страх был глубже, холоднее, пронизывая до костей: ощущение, что её отметили, что незримый взгляд пронзает насквозь. Тридцать три часа – именно столько времени дала ей случайно активированная осколком древнего оберега тайна, произнесённая шёпотом призрака. Гид с его пронзительными глазами казался вестником зла, и каждый его взгляд днём заставлял её вздрагивать, словно он знал о её видениях, словно был частью самого сознания Херсонеса, следящего за ней из тени.

Уйти из номера ночью казалось невозможным подвигом. Тени на стенах шевелились, принимая зловещие очертания призрака, а ветер за окнами превращал руины в живой кошмар, наполняя пространство отчаянным шёпотом: «Помоги… Они не должны знать… тайну подземной реки…» Страх сковывал дыхание, но Кристина не могла позволить себе покоя. Во

сне её преследовали кошмары: краны, разрушающие древние стены, мозаики, крошащиеся под ногами туристов, а из-под фундамента нового храма медленно текла чёрная река, унося прочь призрачные силуэты монахов, воинов, купцов и того, перед кем преклонил колено сам призрак, склоняя голову и произнося: «Да, мой князь». Просыпаясь с криком, мокрая от пота, она ощущала невидимый, тяжёлый взгляд Херсонеса – испытание, проверку, надёжна ли она, случайная свидетельница этой древней тайны.

И тогда, в густой тишине ночи, пришло видение. Она стояла перед Старцем в древней корейской гробнице под горой Чхонджи. Воздух был густ, словно смола, стены покрывали слова: «Тот, кто крадёт сон мёртвых…». В нишах – согины: мунсок с закрытыми глазами и мусок с обнажённым мечом. Старец произнёс: «Он – Хванги, дух воина. Его страж пробудился из-за нарушения».

Из теней возник Квимон – дух-караул в маске из тумана, указывая путь назад. Но Кристина не отступила. Из саркофага, словно дым, появился Сонним – «Тот, Кто Спит». Его лицо менялось: юноша, старик, пустота. Его взгляд проникал в самую душу. В ушах зазвенел незнакомый голос: «Ты нарушила границу. Теперь ты – часть проклятия. Сон мёртвых – не для живых».

Она проснулась с криком, сердце бешено колотилось, а шум кондиционера сливался с шёпотом Старца: «Помоги… Тайна подземной реки…» Сны преследовали её: краны, чёрная река, призраки… и тот, перед кем склонялся призрак: «Да, мой князь».

Дар видеть духов был случайным и временным, но они приходили не только из Херсонеса. Они жаловались, шептали о заброшенных местах силы: Аркаим, Белуха, Кижи, Ольхон, Танаис, Борисфен, Пантикапей. Призрак у забора новостроек ткнул пальцем в карту России, указывая на реку Ангару. Названия были ей чужды, но боль и гнев духов ощущались остро – они негодовали на «людей в пиджаках», обманом получающих доступ и бездушно разрушающих святыни.

Экскурсовод был везде – его пытливый взгляд словно проникал сквозь неё. Он знал, что она видит, и пытался волей «закрыть» её, злясь на свою беспечность.

Дрожащая, Кристина отправилась к руинам. Старец стоял у забора, а за ним – призрак в чёрном с факелом и жезлом, Князь. В сознании Старец говорил: «Ты видишь сеть, дитя. Херсонес – узел. Они ковыряют землю везде: Аркаим, Белуха… Духи гонимы. Ты видишь нас. Слышишь. Тридцать три часа даны тебе случайно, через оберег. Теперь выбери: забудь и живи или стань проводником. Но знай: Сон Мёртвых – не для живых. Если примешь дар, станешь как Сонним – между мирами, навеки связана с нашей болью и стражей».

Он указал на мусока из видения, чей меч казался осязаемой угрозой, на Квимона в пепельной маске, на Соннего с его пустотой.

Кристина стояла на камнях под звёздами Крыма, ощущая, как время неумолимо истекает. Тридцать три часа закончатся завтра ночью – думала она, – но уже эта ночь была бессонной. Вернувшись в номер незамеченной, она лежала, глядя в потолок, слушая ровное дыхание спящей подруги и далёкий гул моря. За стеной отеля – древний город, полный призраков и тайн. Внутри неё – страх, но вместе с ним – странное, непоколебимое чувство ответственности. Теперь она знала: она – хранительница секрета, который никто не мог слышать. И молчала, потому что иногда молчание – единственная защита, единственный способ сохранить и себя, и хрупкую магию места, что выбрало её своей последней надеждой.

Ветер шептал незнакомые имена, а в руинах Херсонеса ждал её ответ. Забыть ужас и вернуться к обычной жизни? Или принять случайный дар, стать хранительницей сети – голосом духов из Аркаима, Белухи, Херсонеса, Ангары… и обречь себя на вечный Сон Мёртвых, не принадлежа ни миру живых, ни миру мёртвых? Шёпот Старца и тиканье невидимых часов слились в единый требовательный зов. Время выбирало – и выбор был за ней.

Но это было ночью, а сейчас,лучи солнца все еще золотили древние плиты Херсонеса-Таврического, а маленькая группа – профессор с дочерью, и Кристина с отцом – медленно шли к машине, оставляя позади живое сердце истории, где эхо шагов эллинов смешивалось с шепотом византийских молитв. Но сегодня их взоры еще не раз обращались назад, туда, где на соседнем холме, словно явленное видение нового времени, сияли белизной и золотом грандиозные сооружения музейно-храмового комплекса «Новый Херсонес».

– Невероятно, – тихо выдохнула Кристина, оглядываясь вокруг. – Всего полтора года… И вот он стоит. Даже они оба – два маленьких, но необыкновенно значимых и красивых города, в одном великом современном городе. Как будто сама история выдала нам свое обновленное лицо.

– Не просто выдала, Кристина, – мягко поправил Андрей Петрович, его голос, обычно звучащий на лекциях, сейчас был наполнен особым, почти благоговейным тоном. – Это свидетельство возрождения. И не только камня. Инициатива, шедшая с самого верха, по поручению Президента. Понимаете, такой масштаб, такая скорость – это знак высочайшей значимости. 24 гектара, 30 объектов за столь короткий срок! Это не просто строительство, это духовный и культурный подвиг.

– А роль… – начала Виктория, подбирая слова, – роль Патриарха здесь… Я слышала, что он лично следил, благословлял каждый шаг?

– Именно так, – кивнул Андрей Петрович. – Настоятель не просто наблюдал. Он был духовным стержнем этого проекта. Его чуткое руководство, его постоянное внимание – это гарантия того, что «Новый Херсонес» стал новым центром притяжения для паломников и всех, кто ищет корни. Ведь открытие приурочено ко Дню Крещения Руси! Здесь, в Херсонесе-Корсуни, где князь Владимир принял Святое Крещение. Это место – колыбель нашей духовности. И новый комплекс – это как бы второе рождение этой колыбели для современности.

Сергей Иванович, открывая дверь машины, бросил взгляд на сияющие вдали купола. Его лицо отражало глубокое раздумье.

– Помню, как в детстве… – тихо сказал он, больше себе, чем другим. – Севастополь – город-герой. А теперь… и город-духовный центр. Как будто земля эта, столько раз поливаемая кровью, теперь напитана светом. Патриарх… Президент… Значит, по-настоящему нужно было. Очень.

– Это же не просто стены, папа! – воскликнула Кристина, садясь на заднее сиденье. – Там же музеи для всех эпох! И античные, и средневековые… И храм… И говорят, там будут спектакли, концерты, настоящие исторические реконструкции! Как будто оживут те времена!

– Оживут, – подтвердил Андрей Петрович, устраиваясь на сидении. – Культурные события здесь станут частью дыхания места. Представь себе реконструкцию Крещения князя Владимира на фоне этих древних стен и нового храма! Или концерт духовной музыки под открытым небом, где звучат тропари, созданные тысячелетия назад. Это будет живая история, а не застывшие экспонаты. Место, где прошлое и настоящее встречаются не просто для созерцания, а для диалога.

Машина тронулась. Уходили вдаль силуэты античного театра и сияющие огни нового комплекса – «Нового Херсонеса». Он стоял как мост между веками, возведенный по воле государственных мужей и осененный благословением Первосвятителя.

– Знаете, – сказал Андрей Петрович, – сегодня мы прощались не только с древними камнями. Мы приобщились к чему-то огромному, только что рожденному. К проекту, который объединил волю государства, веру Церкви и труд тысяч людей. И этот дух – дух созидания, памяти и надежды – мы увозим с собой в дорогу. Дорогу по Крыму, который сам, как этот «Новый Херсонес», есть живое переплетение всех времен и судеб.

Сергей Иванович молча кивнул, крепче сжимая руль. Кристина и Виктория замолчали, глядя в окно, где смешивались лучи уходящего солнца и зажигающиеся огни нового духовного

центра. Они уезжали, но чувство прикосновения к чему-то значительному, к великой истории, продолжающей твориться на их глазах, оставалось с ними, теплясь где-то глубоко внутри. Андрей Петрович повернулся к девочкам, голос его звучал спокойно, но с глубиной и величием, приобретёнными годами преподавания.

– Мы покидаем Севастополь, – начал он, – город, имя которого навсегда вписано в анналы мировой доблести и трагедии. Вон там, в самой бухте, – Памятник Затопленным Кораблям. Это не просто монумент, а символ беспримерной жертвы. Во время Крымской войны, в 1854–55 годах, русские моряки пошли на невероятное – потопили собственные корабли, чтобы преградить путь вражескому флоту. Представьте: гордость Черноморского флота, парусники, уходят под воду по приказу, становясь неприступной броней на входе в бухту. Это был акт отчаяния и высшего долга. А потом… потом пришла Великая Отечественная. 250 дней обороны! Севастополь стал ключом к Кавказу, к нефти. Логистика здесь – подвиг: боеприпасы везли под непрерывным огнем, раненых эвакуировали по морю, заводы работали под землей. Город превратился в крепость из камня и человеческой воли. Падение в 1942 – катастрофа. Освобождение в 1944 – триумф, оплаченный океаном крови. Город-герой… Это звание – награда, выкованная в огне двух войн.

Кристина прижалась к стеклу, глаза блестели от волнения:

– ДядяАндрей, а тот холм с мемориалом? Сапун-гора?

– Верно, Кристина, – улыбнулся Андрей Петрович. – Сапун-гора – ключ к Севастополю. Мы мимо него вчера не так далеко проезжали. В мае 44-го здесь шли самые ожесточённые бои. Сегодня там Вечный Огонь и диорама, где буквально оживает та битва. А у подножия, в городе, – памятник адмиралу Нахимову. Гений первой обороны. Человек, чья железная воля год держала город. Он здесь же, в Севастополе, и сложил голову. Его память – часть гранита этого города.

Машина медленно отъезжала от Севастополя. За окном расстилалось бескрайнее море, а вдаль уходили холмы, словно охраняя древние тайны. Сергей Иванович сосредоточенно вел автомобиль, изредка бросая взгляды на уже немного знакомые места.

– Па, я стесняюсь спросить… Я поняла, что Нахимов – великий адмирал, и слышала о его героизме, но не могу разобраться: в какой войне он участвовал? Мне казалось, что Крымская и Великая Отечественная шли подряд, но потом я посчитала – между ними почти сто лет разницы. Значит, он был в одной из них? В какой именно – в Крымской или Великой Отечественной?Кристина осторожно прислонилась к спинке водительского кресла, её голос прозвучал тихо и немного робко:

– Андрей Петрович, объясните нам, пожалуйста. Мы запутались: за сто лет этот полуостров пережил две войны, а адмирал Нахимов, чей памятник мы видели, погиб в какой именно? Отец улыбнулся, глядя на дочь в зеркало заднего вида, и, переводя взгляд на сидящего рядом профессора, обратился к нему:

– Очень рад, что вас интересуют такие вопросы. Вы правы: Севастополь чтит и хранит память о своих героях, и эта история живёт в сердцах каждого местного жителя. Во время Крымской войны, в обороне Севастополя 1854–1855 годов, погибли три великих адмирала – Владимир Алексеевич Корнилов, Павел Степанович Нахимов и Владимир Иванович Истомин. Все они были ключевыми фигурами в защите города, и их утрата стала невосполнимой потерей для русского флота и армии.Профессор тепло улыбнулся:

Вице-адмирал Нахимов, командующий эскадрой и начальник Южной стороны Севастополя, пользовался огромным нравственным авторитетом среди солдат и матросов, которые называли его «отцом-благодетелем». Он не снимал золотых эполет с мундира и не прятался за спинами подчинённых – гордо и бесстрашно принимал бой. Во время одного из объездов передовых укреплений на Малаховом кургане он был смертельно ранен пулей в голову.

Но знаете, доблесть и честь не знали границ: независимо от национальности, веры и политических пристрастий, в те времена умели ценить отвагу и благородство даже у противника. Когда хоронили Нахимова – и я знаю это из архивов, хотя словами передать всю тяжесть невозможно – военные марши звучали повсюду, пушечные залпы прощального салюта разносились над морем, а корабли приспустили флаги до половины мачт.

И тогда кто-то заметил: флаги опустились и на кораблях врага! Кто-то выхватил подзорную трубу из рук матроса и увидел, что даже офицеры-англичане, собравшись на палубе, сняли фуражки и склонили головы в знак глубочайшего уважения.

Эти истории живут в крови каждого коренного севастопольца, передаются из поколения в поколение, как священный завет. Все три адмирала вместе с другими защитниками города проявили героизм и мужество, сражаясь с превосходящими силами врага. Их имена стали символами непоколебимой обороны Севастополя и вечным примером для подражания.

Они долго беседовали, когда машина плавно повернула, и слева открылся вид на Балаклавскую бухту, словно вырезанную в горах. Сергей Иванович вздохнул, не отрывая взгляд от дороги:

– Севастополь… Город-герой… В моем пионерском детстве это слово звучало как набат. Кино, книжки… Казалось, каждый камень здесь – памятник. А Балаклава… Бухта-невидимка. Даже в войну – стратегия.

Андрей Петрович кивнул, его голос звучал с глубоким уважением к месту:

– Да, Сергей Иванович. Балаклава – природная крепость. В её скалах скрыта холодная тайна XX века. Подводный завод Черноморского флота. А над бухтой, на скале, – страж веков, хранящий память о героизме и жертвах.

Машина медленно продолжала путь вдоль побережья, а в салоне царила особая тишина – каждый погружён в свои мысли, словно пытаясь осмыслить услышанное и увиденное. Андрей Петрович, словно продолжая рассказ, обратился к девочкам:

– Знаете, Крым – это не просто земля с богатой историей. Это живой организм, где каждый камень, каждое дерево, каждая бухта хранят память о людях, судьбах и великих событиях. Вот, например, Балаклава – её природная неприступность всегда привлекала стратегов и военных. Сегодня – музей, и когда идёшь по его ледяным туннелям, чувствуешь дыхание доблести, мощи, страха, скрытности и надежду одновременно. В годы Великой Отечественной здесь была одна из самых секретных баз подводных лодок. Холодная война, атомная угроза. Представьте себе: под толщей гор скрывались гигантские цеха и доки, высеченные в горе, способные выдержать прямой ядерный удар.

Кристина, задумчиво глядя в окно, с искренним интересом спросила:

– А как же люди? Те, кто жил здесь в те времена? Их истории тоже где-то звучат?

Андрей Петрович улыбнулся, его глаза светились теплом:

– Конечно, Кристина. Истории людей – это самое ценное. В каждом уголке Крыма – память о героях, простых тружениках, семьях, которые пережили войны и лишения. Именно их подвиг и любовь к родной земле сделали этот край таким особенным. И сейчас, когда мы видим, как возрождается «Новый Херсонес», понимаешь: история живёт не только в камне, но и в сердцах людей.

Виктория, с интересом, выразила свои чувства:

– Так трогательно… Да, и мы – тоже часть этой истории. И пусть наши рассказы помогут сохранить её для будущих поколений. Мы должны помнить, чтобы не потерять связь с тем, что было.

Машина плавно скользнула по дороге, а за окном мерцали величественные силуэты гор, словно охраняя тайны прошлого. В этот момент Сергей Иванович оживился:

– Чембало! Генуэзская крепость!

– Точно, – подтвердил Андрей Петрович, его голос наполнился восхищением. – Чембало, XII–XV века. Генуэзцы вросли в скалу, как орлы. Контроль над бухтой и торговыми путями. Отсюда вершили судьбы. Камни, помнящие звон мечей, шелк купцов, крики чаек. Сегодня – могучие руины, но дух средневековой мощи витает здесь особенно сильно, когда спускаешься к тихой, как зеркало, воде бухты.

Оставляя позади вид на Балаклавскую бухту и крепость Чембало, ветер, ставший свежее, нес запах сосен и моря.

Девочки покрутили свои «дальнобойные» бинокли, дорога сделала поворот, и далеко слева открылась живописная долина с храмом на горе.

Впереди виднелась странная впадина с гигантскими, кажущимися неровными ступенями.

– Ого! Смотрите! Что это? – воскликнула Кристина.

– Это знаменитый перевал Шайтан-Мердвен – «Чертовы ступени» или «Чертова Лестница». Шайтан-Мердвен – не только интересная историческая локация, но и живописное место, – продолжал Андрей Петрович, наблюдая, как Кристина увлечённо настраивает бинокль. – В древности здесь проходила римская дорога, которая соединяла крепость Харакс на мысе Ай-Тодор – там, где сегодня находится «Ласточкино гнездо» – с Херсонесом. С первого взгляда перевал действительно пугает – кажется, будто здесь побывали нечистые силы. Однако на самом деле это самый удобный и лёгкий путь от старой Севастопольской дороги к вершине, и весь подъём занимает около получаса.

Кстати, посещение перевала нужно дополнительно согласовывать, но мы туда не собираемся, – улыбнулся профессор, заметив, как дочь усердно записывает в блокнот. – Местами римская дорога сохранилась до наших дней. Эти места помнят великих людей, оставивших свой след в истории. Сергей Иванович сидел за рулем, погруженный в свои мысли, когда вдруг раздался звонок. Он ответил, и разговор занял его на несколько минут. В это время Кристина и Виктория, сидя на заднем сиденье, начали хвалиться своими биноклями, рассматривая окрестности и гладь моря, сверкающую на солнце.

– Мой "Про-3000" бьет до трех километров, – с гордостью сказала Кристина, поправляя бинокль на носу. – Но, знаешь, это только если корабль, дерево или что-то крупное. Человека не разглядеть.

– Жаль, – согласилась Виктория, – но мой не такой удобный, хоть и может бить до 16 километров, но нуженштатив, а с нимв машине не возможно. И глаза устают. Зато, когда смотришь на звезды с штативом, это просто супер!

– Да, по дороге, конечно, лучше папин бери, – кивнула Кристина, – но он менее мощный, чем мой. Можно меняться,то один, то другой пробовать. Хочется же все рассмотреть!

Андрей Петрович, услышав их разговор, улыбнулся.

– Видите вон там, справа от дороги, заезд на территорию? – указал Андрей Петрович. – А за ним – низенькая стеночка, а на ней вертолетная площадка. Это административный корпус известной государственной дачи. Рядом – вышка радиотелекосмической связи, словно страж неба. Сейчас мы преодолеем маленький перевал… И вот, смотрите прямо вперед! Море выходит к мысу Сарыч. Видите тот белый и красный ретранслятор? От него направо уходит мыс, а на самом его кончике – маленькая башенка, сейчас она кажется серенькой, почти незаметной. Сарыч в переводе с тюркского – желтый. Место невероятное! Это южная точка Крыма, самое короткое расстояние до турецкого берега – всего 141 миля, 263 километра! Отсюда, как с ладони, видна азиатская сторона.

Кристина, прильнув биноклем к стеклу, спросила:

– А что там, за мысом? Какая-то большая территория… Оранжевая крыша, как теремок?

– Верно, Кристина. За мысом Сарыч – бывшая государственная дача «Заря». Она принадлежала последнему президенту СССР, Михаилу Сергеевичу Горбачёву. Видите оранжевую крышу с полукруглыми окнами? Это главный дом, тот самый «Теремок». Рядом – гостевой корпус, ималенькая постройка – зимний бассейн. А обратите внимание: от дачи к морю ведет крытый эскалатор! Чтобы не ходить пешком по тропинке.

– Вот эта дорога идетвдоль подножия причудливой горы. А слева, вверху, вы видите Храм Воскресения Христова на скале Кызыл-Кая (Красная скала). Построен в 1892 году на 400 метрах над уровнем моря на пожертвования местного купца. Видите, как он подсвечен?

– А это тот самый храм? Он будто парит в воздухе! – крикнула Виктория, указывая на белое здание на скале.

– В безлунную ночь он действительно кажется парящим в воздухе. Это символ Фороса, его духовный маяк. Вон те кипарисы – его зеленое ожерелье. Храм построен по проекту архитектора Чагина. Заказчиком был «чайный король», миллионер Кузнецов. Чагин говорил, что это его любимое творение. Но история его появления связана с драматическим событием – крушением царского поезда в 1888 году возле станции Борки. Император Александр III, отдыхавший в Ливадии, буквально своими руками держал обрушившуюся крышу вагона, спасая семью. Храм стал символом благодарности за чудесное спасение.

– А вот в дали он – Дракон! – произнес Андрей Петрович, указывая на низенькую гору, что ползла вправо к морю. В раннем Средневековье на вершине был храм святого Георгия Победоносца. А в 60-х годах прошлого века в Драконе пробили тоннель. Говорят, если проехать его первый раз и загадать желание – оно обязательно сбудется! Проверим? – Кристина и Виктория оживленно кивнули. – А у подножия Дракона, в местечке Милос (ныне Форос), находилось имение Льва Алексеевича Перовского. Этот патриот подал идею создать «Дружину» – императорский полк из 3200 человек, куда входила цветная российская молодежь. Там служил и Алексей Константинович Толстой, который даже разработал для полка форму! Но Крымская война подходила к концу, полк перебросили под Одессу… где начался тиф. Погибла половина. Тяжело заболел и сам Толстой. И тогда Софья Андреевна Перовская, бросила всев Петербурге и приехала к нему в Милос. Болезнь отступила, и они провели здесь две недели, которые Толстой называл чудом. Он писал: «В мае здесь можно видеть и снег на горах, и розы у подножия». Сохранился дом Перовского – «Восточный киоск».

– Когда тоннель проехали, желание загадали?

– Да! Сказочные! – воскликнула Кристина.

– Идеально, Кристина! В Форосе как раз«Поляна Сказок» с ее Змеями Горынычами и золотыми рыбками, созданная одним энтузиастом. Место, где история края сплетается с волшебством. Форос – это ветреный или благоприятный ветер. А чуть дальше, в месте Тессели— тишина, где в советское время жил писатель Максим Горький. Часто в Фороседует жуткий ветер, а за поворотом – внезапная тишина.

Дорога начала спускаться к Симеизу. Вдали виднелись знакомые профессору очертания пейзажа.

– Да… Как же здорово. По России ехать… – вдруг произнес Сергей Иванович, не отрываясь от дороги, но его голос звучал тепло и немного сдавленно. – Спасибо, Андрей Петрович. Вы не просто рассказываете – вы открываете двери. Я ведь с юности мечтал вот так, чтобы сердце знало, что Каждая скала, каждый поворот – это твоя земля…

– Самое большое удовольствие, Сергей Иванович, – ответил Андрей Петрович, кладя руку на его плечо , – видеть, как история оживает в глазах близких. Мы проехали путь от генуэзских замков до советских дач, от римских дорог до парков сказок. Крым – это калейдоскоп эпох, и мы сегодня его прокрутили. Впереди Симеиз, но душа уже полна… полна Крыма.

Сергей Иванович сжал руль, его взгляд устремился вдаль, к очертаниям Симеиза. В салоне повисла лёгкая тишина, наполненная дыханием моря и звуками мотора.

– Знаете, – начал Сергей Иванович, – детство в Советском Союзе было намного лучше, чем у нынешних детей.

– Как это? – возмущённо воскликнули Кристина и Виктория, их голоса полны недоумения.

– Да, – продолжил он, – было весело, дружно, пионерские отряды, общие игры. Общие интересы, дела и взгляды. А сейчас мало того, что девочки, но и мальчики красят челки в розовый цвет и до тридцати лет не знают, кем хотят быть, когда вырастут. А девочки делают татуировки – такие, которые раньше считались знаком тех, кто отбывал срок, чтобы их узнавали со стороны.

Виктория нахмурилась, не согласившись:

– Хоть я и не крашу челки, но не считаю, что волосы важнее головы, вернее, её наполнения. Не всё так плохо. Даже татуировки… хоть я их иногдаосуждаю, потому что боюсь изменчивости моды и порчи тела, но иногда мечтаю о маленькой бабочке или букве на ноге. Правда, здравый смысл всегда берёт верх. Но я не смотрю на людей лишь по внешнему виду. Ценю их по делам и поступкам. Вот, например, мужчина в костюме и галстуке, который подрезал нас на дороге и кричал, что мы виноваты, потому что не уступили ему дорогу – а ругался он, как дядя Вася с рыбачьего поселка. А там, перед стоянкой в Симферополе, когда мы меняли колесо, все проезжали мимо, никто не помог. А молодой парень с татуировкой на руке остановился, встал на встречной полосе и сам предложил нам свой автоматический «надуватель».

– Да, – улыбнулся отец, – этот "надуватель" – очень полезная штука! Насос называется.

– Ну, немного забыла, но главное, – продолжила Виктория, – что детство у каждого поколения своё. И нельзя равнять не только детство, но и жизнь разных людей. Я давно изучаю астрологию и хочу заметить, что у каждого прописан свой сценарий звёздами, но и он не однозначен – главное стремление к свету. Это даёт рост, и у каждого всё своё и разное: семья, любовь, дети, судьба, профессия, интересы… Нет одинаковых людей, как и судеб. Так же не может быть одинакового детства, даже в одной семье или классе. Только вещи могут повторяться, но и то не у всех.

– Вот именно, – подхватил Андрей Петрович, его голос звучал с пониманием. – Каждый человек – уникальная вселенная. Как и история этого края. Мы видим слои времени, которые формируют не только города и памятники, но и души людей. И в этом богатство жизни – в многообразии и неповторимости.

Сергей Иванович улыбнулся, взгляд его стал мягче:

– Пусть у каждого будет своё детство и своя жизнь. Главное – чтобы были добротаи уважение.

Машина плавно катилась дальше по дороге, а за окном Крым продолжал раскрывать свои тайны, приглашая каждого вписать свою страницу в живую книгу времени.

Глава 2. Петля времени

Солнце медленно опускалось за горизонтом, Кристина и Вика, полные жажды тайн, стояли на пороге путешествия, которое запомнится им навсегда. Впереди их ждали загадки казачьей земли, скрытые под маской обычного туристического маршрута, и вызовы, которые проверят на прочность их дружбу и характер. Но впереди еще виднелся лазурный берег, мимо которого они просто не могли проехать.

Андрей Петрович, переглянувшись с Сергеем Ивановичем, бросил взгляд в зеркало заднего вида на болтающих девчонок, сидящих на заднем сиденье, подмигнув им, он наклонился к отцу Кристины и с многообещающей улыбкой произнес:

– Слушай, у меня есть одно классное местечко из молодости, недалеко от Алупки. Это курортный поселок с необычным названием, которое в переводе с греческого значит «флаги».

– О, интересно, там повсюду флаги или что? – поинтересовался Сергей Иванович.

– Не, флагов там не так уж много. Почему это место так назвали, история не объясняет. Но на современном флаге и гербе изображены гора Кошка и скала Дива, а также герб Мальцовых. Благодаря этому место стало одним из самых лучших курортов на южном побережье.

– Интересное название для горы… Она похожа на кошку или там живет какая-нибудь необычная кошка? – спросила Вика, подслушав разговор отцов. – Было бы здорово встретить таинственных созданий со светящимися кошачьими глазами, мурлыкающих и скачущих по деревьям, правда, Крис?

Кристина, с улыбкой, посмотрела на подругу.

– Представляешь, если бы там реально жили такие кошки? Они могли бы охранять гору, прятаться в тени деревьев и появляться только ночью, когда луна освещает тропы.

– О, и у них могли бы быть свои секретные тропы! – добавила Вика, её глаза загорелись от воображаемых приключений. – Мы могли бы стать их подружками и исследовать все закоулки этой загадочной горы. Кто знает, может, там есть даже волшебные места, где сбываются желания!

Андрей Петрович, обернувшись к дочери, ответил:

– Хотя название горы и не связано с пушистыми домашними любимцами, но кошек там много. Крымские татары называли гору Кош-Кая, что переводится как «двойная скала». Гора действительно имеет две вершины. Позже название упростили, и оно трансформировалось в «Кошку». Если смотреть издалека, гора действительно напоминает лежащую кошку.

Кристина вдруг вспомнила, что у её мамы раньше был чёрный «Nissan Qashqai», который она с любовью называла "кошкой", а папа утверждал, что это не кошка, а кот. «Интересно, есть ли связь?» – подумала она про себя, улыбаясь. Впереди их ждали не только приключения, но и загадки, которые, возможно, были связаны с их собственными историями.

В это время Андрей Петрович обратился к отцу Кристины с предложением:

– Ну что, может, порадуем девчонок настоящим отдыхом хотя бы на пару-тройку дней?

После недолгого разговора профессор стал набирать телефонный номер, и вскоре веселый женский голос в трубке вскрикнул от радости, услышав, что Андрей Петрович с дочерью едут в Ялту и планируют провести здесь два-три дня.

– Это младшая сестра моего старого знакомого, вернее, друга детства, – пояснил он. – Она живет и работает в Ялте, занимается историко-культурным наследием и поможет нам организовать компактные экскурсии и отличный отдых в ранее любимом мною историческом отеле, где когда-то отдыхала элита общества.

– О, это звучит веско! – воскликнул Сергей Иванович. – Где же это?

– Пляж Нарышкинские камни – один из самых известных пляжей в Симеизе. Он такой живописный и уютный! Хотя и небольшой, многие ценители считают это скорее достоинством, чем недостатком. Тут можно посидеть в кафе, поплавать на катамаранах и каяках, получить массаж от квалифицированного специалиста, а еще просто блаженствовать, созерцая море с бунгало, – с энтузиазмом объяснил Андрей Петрович.

– Просто шикарно! – отозвался Сергей, представляя себе это место.

Пока отцы девочек были увлечены разговором, Кристина, дождавшись окончания диалога, спросила:
– А мамин старый автомобиль "Nissan Qashqai" случайно не назван в честь горы?

Сергей Иванович улыбнулся и ответил:
– Название «Qashqai» происходит от имени древнего иранского кочевого племени, которое до сих пор обитает в Иране.

– Так получается, иранцы назвали так скалу? Значит, они когда-то давно перекочевали туда и дали горе такое имя? – спросила Вика у отца.

– Нет… хотя мысль интересная, – сказал Андрей Петрович. – Исторически мы точно не знаем, кто жил здесь изначально, до Тавров, поэтому их история упоминает как первых жителей этих территорий. По мнению многих исследователей, культура тавров появилась в Крыму в VIII веке до нашей эры. Очевидно, что этот этнос сформировался прежде всего в горной части полуострова. Значительная часть исследователей связывает тавров с Кизил-Кобинской археологической культурой, существовавшей на полуострове в VIII-III веках до нашей эры и получившей название от пещеры Кизил-Коба. В первые века нашей эры сведения о таврах весьма скудные. Очевидно, что происходившие в это время на полуострове процессы привели к тому, что во II-III веках нашей эры тавры были ассимилированы скифами.

Сергей Иванович медленно въехал на узкие улочки окрестностей Симеиза, и сразу стало ясно: это место похоже на декорацию к десятку фильмов. Каждая улица, каждый дом и каждое кафе создавали атмосферу, которая переносила в разные эпохи, а воспоминания о киношных съемках витали в воздухе.

Сам поселокначинался с автостанции «Симеиз». Девчонки, сидя на заднем сиденье, с любопытством смотрели по сторонам, внимая каждому новому впечатлению. Попросиввынуж-

денную остановку, группа зашла на территориюздания. Все были удивлены, будто попали в другое измерение. Станция напоминала бутафорский атрибут времени, словно застывший в прошлом, где каждый элемент, казался частью какой-то давно забытой эпохи. В воздухе витал запах свежезаваренного чая и печеных пирожков, создавая ощущение, что время здесь остановилось. Дажеинформативный стенд, выглядел так, будто его не обновляли с девяностых. Вокруг станции раскинулись различные «забегаловки», словно забытые временем. Вооружившись биноклем, они решили прогуляться пешком и скоротать часок до заселения в гостиницу.

Немного поднявшись по уютной улочке, Сергей Иванович заметил, как здесь уже начинались советские артефакты. Взгляд его привлекла оригинальная вывеска 80-х годов, которая, несмотря на время, сохраняла свой шарм. Она напоминала о советских реалиях, о том, как здесь когда-то кипела жизнь. Он вспомнил свою юность, хоть и не связанную с этими местами, но этотантураж очень был похож на времена его детства и молодости.

Раньше улицы Симеиза были вымощены брусчаткой, а дома, словно стражи времени, стояли с характерным южным колоритом. Крыши с черепицей, яркие фасады и зелень, обвивающая балконы, создавали неповторимую атмосферу. Каждое кафе, где за столиками сидели отдыхающие, казалось, готово рассказать свою историю. Здесь снимали фильмы, здесь писали сценарии – и каждый уголок хранил воспоминания о том, как искусство переплеталось с жизнью.

Сергей Иванович с Кристиной остановились у одного из кафе, где с террасы открывался живописный вид на море.

– Как же здесь красиво, – произнес он, глядя на бескрайние просторы.

Девчонки, не отрываясь от своих телефонов, делились впечатлениями о том, какие фильмы они видели, снятые в этих местах.

Вернувшись к машине, по дороге к гостинице Андрей Петрович сыпал историческими заметками:

– Кстати, знаете, что об этом месте говорил исследователь Императорской Академии Наук П. Кеппен? В своем «Крымском сборнике» он отметил, что здесь «природа как бы положила предел роскошной стране Южного берега». И это правда! Тут столько природных красот, что больше нигде на Южном берегу Крыма такого не встретишь – горы Кошка, Ай-Петри, Дива, Монах и другие. Это настоящая бирюзовая жемчужина! – добавил Андрей Петрович, его глаза сияли от восторга.

– Вау, я уже жду, не могу дождаться! – вскрикнула Кристина, когда ей подмигнул отец. Виктория, переполняясь эмоциями, захлопала в ладоши и спросила:

– Папа, это не слишком дорого?

– Нет, не слишком. Но в 1923 году стоимость курортов оценивалась в золотых рублях. Например, пансион «Дольник» стоил 195 000 золотых – просто космические суммы! – продолжал Андрей, погружаясь в историю.

– А что за «Дольник»? – спросил Сергей.

– Это был пансион Николая Александрова-Дольника, расположенный в Симеизе. С 1909 года он принадлежал шталмейстеру Двора Его Величества и меценату Николаю Мальцову, который даже построил обсерваторию на горе Кошка, ставшую филиалом Крымской астрофизической обсерватории! – ответил Андрей Петрович.

– Круто! Обсерватория… – подумала Кристина. А Вика, полная восторга, прошептала на ухо подруге:

– Представь, даже обсерваторию построил на горе, и гора называется Кошка! Может, наша карта показывает только те места, которых нет в голове у наших пап, по этому постоянно видоизменяется! Сначала она показывала Краснодарский край, потом я видела на ней и полуостров Крым. А в прошлый раз захватила не только Кубань, Адыгею, Крым и часть Ставрополя. А что будет в этот раз, когда…

Кристина, слушая Викторию, кивала, понимая, о чем речь.

– Ну да, – согласилась она, – меня тоже поразило, что этот «гроссмейстер» создал обсерваторию на горе.

– Крис, ну ни гроссмейстер он, – смеясь, заметила Виктория, взяв подругу под руку. – Шталмейстер – это типа «начальник на конюшне».

– Ой, ни нуди… Какая разница? – ответила Кристина. – И там, и там кони, только в шахматах их два! Главное – обсерватория, и, судя по всему, она не маленькая, если стала филиалом астрофизической обсерватории!

Вика с восторгом продолжила:

– Представляешь, как круто наблюдать за звездами с такой высоты? Это место должно быть полным загадок и тишины. Если бы мы могли просто прийти и увидеть, как небо наполняется миллиардами звезд, которые, кажется, можно рукой схватить!

– Может, именно там скрыты все тайны Вселенной! – воскликнула Кристина, её глаза горели от энтузиазма. – Если там проводятся экскурсии – это было бы просто бомба!

– Давай уговорим наших отцов и запланируем поездку! – предложила Вика, сияя от воодушевления.

– Или просто надеемся на русский авось, который сам нас туда приведёт, хотя, лучше на удачу – она всегда с нами! – подмигнула Кристина с улыбкой.

– Точно! Иногда случайности открывают самые неожиданные горизонты! – засмеялась Кристина. – Мы возьмём фотоаппарат и запечатаем каждое мгновение. Может, даже найдём что-то, что ещё никто не открыл! Представляешь, мы можем оказаться там в нужный момент и увидеть звезду, которая вот-вот погаснет, или вдруг появится на небе!

Воодушевленная идеей, Кристина добавила: – Да, давай! Это будет наше маленькое приключение. Откроем новые горизонты и, возможно, найдём ответы на вопросы, которые давно нас мучают. Эта обсерватория может стать нашей новой дверью в мир!

– Вот именно! Верь в удачу! – уверенно произнесла Вика, глядя в будущее.

– На авось, как говорится! – с энтузиазмом подхватила Кристина, и они обе засмеялись, предвкушая увлекательное путешествие.

Тем временем мужчины вели разговор о море.

– Отлично! А какой у них пляж? – поинтересовался Сергей Иванович.

– У них был великолепный пляж с кристально чистой водой, а дача располагалась в живописном уголке, где Нарышкинские камни служили приметой Симеиза. Эти камни получили своё название благодаря имению Таврического губернатора Д. В. Нарышкина, который когда-то здесь жил, – объяснил профессор.

– Значит, здесь всё пропитано историей? Отель, что, тоже старинный? – удивился отец Кристины.

– Да, в 1824 году Дмитрий Васильевич купил участок у местных татар и построил великолепный дом в азиатском стиле с открытой галереей, откуда открывался захватывающий вид на море и ухоженные сады, – завершил Андрей Петрович, мечтая о предстоящем отдыхе.

– В 1824 году? Это даже раньше, чем построили здание нашей школы! Офигеть! Не терпится всё это увидеть! – воскликнула Кристина, полная ожидания приключений.

– О, мы опять у машины? Мы ходим кругами? – удивился Сергей Иванович, поглядывая на них с недоумением.

– Пап, давай просто вобьем в навигатор адрес пансионата, а ты подъедешь туда на машине, а мы пока прогуляемся! – предложила Кристина, весело оглядываясь вокруг. – Нам нужно размять ноги!

Андрей Петрович, Вика и Кристина неспешно спускались все ближе к морю, наслаждаясь окружающим пейзажем и легким бризом. Когда они снова оказались рядом со школой, девочки заметили, что это здание было новее и современнее, но так же странно вписалось в местный ландшафт.

– Смотри, Вика! – воскликнула Кристина, указывая на здание. – Похоже, их тут сразу две? Одна старая, там, повыше, как будто вписана в скалу! Интересно, это новое здание – её продолжение?

– Да, прямо как в каком-то фэнтези! – подхватила Вика, разглядывая здание. – Сначала не скажешь, что это всё школа, но когда мы прошли по мосту и стало понятно, что под нами – обрыв, было странно увидеть продолжение школьного двора. Круто!

Кристина кивнула, её воображение уже рисовало картины приключений. И шепнула Виктории о том, что, возможно, здесь тоже есть свои тайные подземные комнаты или лабиринты. Она посмотрела на молчаливо идущего впереди Андрея Петровича и произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.